Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (21), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-27-37
https://elibrary.ru/WVKDQD

© 2023. Татьяна Касаткина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Как и зачем читать Достоевского?

© 2023. Tatiana A. Kasatkina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

How and Why Read Dostoevsky?

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-0875-067X
E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: Достоевский кому-то открывает истинный объем его собственной человечности, позволяет вырасти до святости, а кого-то ввергает в депрессию, нарушает устойчивость — потому что, чтобы дойти до своего настоящего размера, нужно порушить промежуточные границы, откинуть онтологически иллюзорные (но позволяющие эффективно действовать в определенном слое реальности на определенной временной дистанции) опоры. Достоевский необходим тому, кто постоянно видит перспективу собственной смерти, — а не тому, кто пытается заслониться от этой перспективы всеми возможными способами — даже когда смерть подступает вплотную. Он необходим тому, кто ищет смысла проживаемой в *любых* обстоятельствах жизни. Тому, кто уже понял разницу между целями жизни — и обстоятельствами ее проживания (такими как комфорт или бедность, встроенность в социум или изгойство и т.д.). Вошедшая после несостоявшейся казни в его плоть и кровь идея: главная задача человека на земле — остаться человеком в любых обстоятельствах, постоянно становиться хоть немного *больше* человеком, преодолевая препятствия к этому

как вовне, так и внутри себя, — главный дар Достоевского, очень нужный тем, кто сумеет и захочет его принять.

Ключевые слова: Достоевский, программа среднего и высшего образования в России, стереотипы восприятия, мифы об авторе и его манере письма, смысл культуры, цели чтения.

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* Как и зачем читать Достоевского? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 27–37. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-27-37

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: To some people Dostoevsky opens the real dimension of their human being, allows them to grow up to sanctity, while others feel that the writer casts them into depression, violates their balance, because in order to reach one's real dimension transitional boundaries should be destroyed and ontologically delusive anchorages should be left, even when they permit to act effectively on a certain level of reality for a short period of time. Dostoevsky is necessary for those who constantly see the perspective of their own death, and not for those who try by all means to shield themselves from it, even when death is drawing nearer. He is necessary for those who look for the sense of experience in every circumstance of life, for those who understood the difference between the aims of life and the circumstances in which it is lived (comfort or misery, social inclusion or exclusion, etc.). Dostoevsky's greatest gift to those who can and want to accept it is the idea that got into him after the unfulfilled execution: the main goal for people on earth is to remain *human* in every circumstance, constantly becoming a bit more *human*, overcoming obstacles to this both inside and outside the self.

Keywords: Dostoevsky, Russian secondary and higher education programs, stereotypes of perception, myths about the author and his writing style, meaning of culture, purpose of reading.

For citation: Kasatkina, T.A. "How and Why Read Dostoevsky?" *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (21), 2023, pp. 27–37. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-27-37

Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи, вопрос, вовсе не возникший внезапно в связи с изменением международной обстановки, а всегда стоявший и периодически обострявшийся, более настоятельный внутри постсоветского пространства, чем за рубежом, задаваемый, на первый взгляд, с самых разных идеоло-

гических позиций, прежде всего нужно сказать, что в настоящее время произведения Достоевского входят в России (и за рубежом) в школьную программу. В России обязательный для изучения текст с 1968 года — «Преступление и наказание», рекомендованный для изучения в 1990-х – начале 2000-х — «Идиот»; в младших классах — «Мальчик у Христа на елке», в один из учебников включены «Белые ночи», во внеклассное чтение может входить любой из великих романов и почти любое из ранних произведений по выбору учителя, также во внеклассное чтение могут входить и художественные тексты «Дневника писателя» и т. д. И поэтому совсем миновать произведения Достоевского человеку любого возраста, учившемуся в российской школе, сложно, хотя и не так сложно, как итальянцу миновать произведения Данте, а англичанину — Шекспира, поскольку в советский период Достоевский десятилетиями не был включен в школьную программу для чтения, а иногда даже не упоминался в учебниках[1]. И все же уже более 50 лет он входит в программу для обязательного чтения. Это вовсе не значит, что произведения, входящие в эту программу, все читают, но это значит, что в каком-то виде (в виде, например, устойчивых предрассудков, касающихся как событий биографии писателя и его личностных качеств, так и свойств его текстов) они усваиваются практически всей популяцией даже без или еще до чтения.

Начнем с тех, кто Достоевского не любит и не читает — и при этом считает нужным или испытывает потребность говорить об этом публично, часто довольно пространно и по возможности громко. Эта категория «нечитателей» гораздо легче типологизируется: читают Достоевского по гораздо большему количеству причин, чем «не читают». Как правило, именно «нечитатели» транслируют устойчивые и довольно легко каталогизируемые стереотипы относительно писателя и его творчества. Относительно текстов это представления о «плохом стиле» Достоевского, о его «истеричности», «мрачности», о «полоскании грязного белья» и «выворачивании наизнанку» человека. Эти стереотипы воспринимаются на дорефлексивном уровне, как приемлемые объяснения эмоционального неприятия творчества писателя. Борющиеся с Достоевским идеологически добавляют к вышеназванному «проповедь страдания» и «апологию унижения»

[1] О том, как и когда Достоевский изучался в средней школе в XX–XXI веке, см.: [Пономарев, 2007; Золотухина, 2015; Тихомиров, 2016; Павловец, 2017; Пономарев, 2017]. Об изучении Достоевского по программе истории см.: [Подосокорский, 2007].

личности[2]. Надо сказать, что эти стереотипы (все без исключения) воспроизводят то, что транслировали школьные учебники советского периода, и это даже (при поверхностном подходе) может вызвать удивление, ибо в настоящее время они звучат главным образом из уст либералов.

Практически все эти стереотипы образовались в советскую эпоху — или ранее ее в социалистических кругах, а на самом деле — они неизменно циркулируют в любых кругах, ориентированных на экономическую составляющую как на основу человеческого взаимодействия. Интересно, однако, понять, с чем именно в творчестве Достоевского могут быть соотнесены эти стереотипы.

Достоевский — весь про человеческое взаимодействие, а потому и делиться по отношению к нему читатели будут в соответствии со свойственными им и приемлемыми для них способами взаимодействия с окружающим миром и другими людьми.

Во-первых, Достоевский оказывается неприемлем для тех, кто выстраивает свое общение с другими функционально, при этом идеология может быть любая и самая прекрасная: определяющее тут то, что плохо воспринимающий Достоевского читатель привык либо быть единственным полноценным субъектом своего мира, либо взаимодействовать с окружающими на основе четких схем и протоколов (в этом случае он и сам не вполне субъектен, и именно отсюда берется представление о писателе, «копающемся в грязном белье» — все, что происходит за пределами схемы «побуждение — правильное / неправильное суждение / действие»: сомнения, метания, неуверенность в выборе, двойные мысли, противоречивые желания, — объявляется таким читателем болезненным психологизированием, которое нужно скрыть от окружающих и от себя самого как нечто бесконечно и убийственно стыдное[3]). Именно для таких

[2] К этому нужно добавить ставшие широко транслируемыми в 90-х годах прошлого века разговоры о ксенофобии и, прежде всего, об антисемитизме Достоевского. Об этом см. мою статью «По поводу высказываний об антисемитизме Достоевского» [Касаткина, 2007].

[3] Вот как выражал такое ощущение, например, Юлий Айхенвальд: «Достоевский <…> забирается в самые сокровенные изгибы чужого духа. Он пьяного чиновника Мармеладова написал так, что Мармеладов отказался бы от его и нашего сочувствия, лишь бы он его не трогал, не обнажал, не заглядывал ему в сердце ***с таким проникновением и с таким дерзновением, на которое человек по отношению к человеку не имеет права*. *Есть граница, которой не должна переступать и самая жалость. Разве можно так нецеломудренно выворачивать чью бы то ни было душу?*** И в том, кто, не щадя стыда и наготы своего брата, осмеливается на это, разве можно провести определенную грань

читателей Достоевский «вязок» и невнятен, ибо он не дает простых рекомендаций, готовых решений для якобы «повторяющихся» ситуаций. А если дает — то они оказываются очень неудобными.

Например, он показывает, что отобранные прекрасным и возвышенным молодым человеком у противной старушонки деньги странным образом не «работают», ими нельзя сделать ничего полезного, а если к тому же еще убили их неправедного владельца — то и вообще ничего. При этом практически каждому встреченному нуждающемуся можно помочь «настоящими своими» деньгами (так скажет Раскольников испуганной Соне о данных им на похороны Мармеладова средствах), как бы мало их у человека не было. То есть — даже деньги оказываются не безличным средством всеобщего обмена, есть «хорошие» и «плохие» деньги, и «плохие» деньги не годятся ни для спасения, ни для созидания. Достоевский весь о том, что в мире нет похожих людей и повторяющихся ситуаций, что даже вещи не безличны и не однозначны функционально — и для ряда читателей это оказывается «усложнением», разрушительным для их картины мира. Характерно, что в постсоциалистический период, при попытке радикально изменить основанное на прежних стереотипах изучение произведений Достоевского в школе, возник новый стереотип «слишком сложного» писателя.

Надо сказать, что неприязнь в данном случае вполне взаимна: при том, что у Достоевского нет отрицательных героев, у него есть герои плоские. Достоевский любит смешного и нелепого, поющего с чужого голоса Лебезятникова, который в одном из самых драматических мест романа умудряется стать лицом Бога и спасти Соню от обвинения в воровстве. Но Лужина, для которого единственный субъект в мире — он сам, Достоевский не любит и не принимает, поскольку этот его персонаж напрочь лишен глубины (которую в ранних черновых записях автор настойчиво пытался ему придать), в него некуда войти Богу[4], такой божественный вход в него

между его любовью и его злобой? И вообще, простит ли человечество Достоевскому то, что он так осквернил человека? И в его психологическом анализе, в этих затейливых арабесках, которые иногда морально утомляют, нет ли чего-то самодовлеющего, праздного, чего-то безнравственного?» [Айхенвальд, 1913, с. 124]. Здесь и далее — курсив и курсив+полужирный шрифт в цитатах — выделено мной, полужирный шрифт — выделено автором. — *Т.К.*

[4] В черновиках к «Преступлению и наказанию» Достоевский в конце концов запишет: «Нет, кто бы ни был **живущий**, хотя бы в замазке по горло, но если только он **и в самом деле живущий**, то он страдает, а стало быть, ему Христос нужен, а стало быть, будет Христос. Господи, что это вы сказали? Не верят в Христа только те, которые

(по сути — очеловечивание) был бы возможен только в результате жесточайших мучений для Лужина, скорее всего, за пределами для него переносимого.

Вторая (или та же самая, но описанная другим образом) причина невосприятия некоторыми читателями Достоевского — нежелание или невозможность выходить на духовный уровень бытия и взаимодействия, желание и потребность остаться на уровне душевном.

Душевный уровень не предполагает полной и бескорыстной самоотдачи — он рассматривает «паритетный обмен», существование на основе взаимовыгоды как высший уровень человеческого сосуществования (низшим уровнем будет полная объективация, пожирание другого). И такое видение (видение доброго язычника, который и с людьми, и с богами выстраивает отношения на принципе *do ut des*), несмотря на две тысячи лет христианства, все еще гораздо ближе человечеству, чем та полная самоотдача, которую каждому предложил в Нагорной проповеди Христос как способ истинного обретения себя (или обретения истинного себя) и обретения Бога. Достоевский же видит и показывает, что настоящее счастье человек обретает только тогда, когда весь вкладывается в бескорыстную самоотдачу — и что чем он дальше от такой самоотдачи, тем более он одинок и несчастен, и жаждет и требует отдачи другого, которая, однако, никогда не сможет его насытить.

«Нечитатели»[5] Достоевского в России (да, думаю, и в мире) — это люди, которые хотели бы подстроить Достоевского под себя, под свое видение мира и свои душевные нужды, хотели бы найти в нем, признанном (хотя и постоянно отрицаемом) основателе русской философии, подтверждение своей картине мира. Для них он предстает мрачным, жестоким, «певцом страдания» — потому что он открывает путь человеческой трансформации, а они не хотят перемены, ведь любая перестройка всегда болезненна, даже когда неправильно стоявшую кость ставят на место — болят, иногда почти непереносимо, окружающие ее мышцы. Чтение Достоевского для таких «нечитателей» становится мучительным зазором между не

потребности в нем не имеют, которые *мало живут* и которых душа подобна камню неорганическому» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 87–88]. Подчеркивая эту мысль, Достоевский и назовет Лужина Петром Петровичем, то есть «каменным камнем».

[5] Повторяю — я говорю лишь о тех, кто громко, во всеуслышание «не читает» Достоевского, а не о тех, кто просто пошел другим путем и нашел себе других проводников.

хотящим меняться мной — и постоянно и настойчиво раздвигающим мои привычные границы текстом.

Читатели Достоевского в России (да и в мире) — это люди, которые раскрываются автору навстречу, видят в его текстах благовестие о своей настоящей природе, о способности быть открытым другому: человеку, миру и Богу, — и в этой открытости обретать свое истинное величие, свою силу, счастье самоотдачи. Счастье совпадать с собой, о котором грезил, но которого не находил в слишком тесных привычных и «приличных» границах, выстроенных людьми, чтобы не отдать своего.

Большинство читателей Достоевского — это люди, которые, читая его, меняются, все с разной скоростью, кто — на миг, кто — навсегда переходя на новый уровень, к новому способу бытия; это люди, которые и читают его потому, что в процессе чтения с ними что-то происходит. Именно поэтому про книги Достоевского так часто рассказывают истории, вроде: «Я начала читать его роман “Идиот” — и не пошла в школу, и три дня не видела и не слышала ничего, только читала, пока не закончила книгу». Но вот признание читателя из письма к редактору журнала о Достоевском, опубликованное редактором; читателя, смогшего в полноте отрефлексировать, ***как*** и ***зачем*** он читает Достоевского: «Когда я впервые читал “Идиота”, — а по обстоятельствам жизни это было в больнице накануне операции, — то был не то что потрясен, а даже как бы вне себя. Пробежав глазами последние строчки, я захлопнул книгу и поцеловал переплет, буквально впившись в него губами, а потом прошептал: “бешеная икона... бешеная икона...” Я никогда не целую книги, если это не Библия, а слова о “бешеной иконе” сказались как бы сами собой, помимо моей воли, в стороне от моего сознания. Я потом долго думал и не мог понять, что же имелось в виду в этих словах; — что нечто *положительное*, это я понимал, но меня одинаково смущали оба эти слова — как “икона”, так и “бешенство”: “икона” применительно к роману выглядела неуместно-возвышенно и сакрально (это вам даже не “фреска” или “витраж”), а “бешенство” навряд ли можно считать похвалой или хотя бы просто одобрением... свести же оба понятия воедино вообще было невозможно, — но, однако же, я свел. Сейчас мне кажется, что я высказал в ту секунду вот какую мысль: в этом романе Достоевский (как и в прочих своих романах в целом) смешал между собою в неразъемное и живое единство оба плана бытия, почему возвышенно-небесное, неземное, духовное (икона)

получило черты этого помраченного мира, его страстей, скорбей и стремлений (бешенство), притом то и другое невозможно ни расчленить, ни даже просто воспринимать одно вне другого. Да и что есть сам человек, как не “бешеная икона” Бога?» [Абрагамовский, 2004].

Вот это: смешение двух планов бытия — и ощущают с разной интенсивностью все читатели.

Только одни видят здесь «загрязнение высокого низким» — и тогда «проповедь ненужного страдания» и «жестокий талант». Эти читатели хотят оставить священное в выделенном из профанного мира священном месте, храме, чтобы оно не грязнилось и не осквернялось смешением. Ну и заодно не мешало делам повседневной жизни. Они, опять-таки, стремятся сохранить чистоту высокого, как добрые язычники.

А другие видят здесь проявление, пробивание, прорастание священного сквозь любое повседневное, явление образа Бога в любом, самом опустившемся, человеке, — то соединение Божественного с человеческим, для которого только и приходил на землю Христос, сделавший весь мир — новым храмом и местом присутствия Божества. И они говорят о свете и радости, раскрытых в них самих книгами писателя, о его изумительном юморе, о головокружительных интеллектуальных виражах, о глубине, на которой по-новому раскрывается мир и все взаимодействия в нем.

Достоевского читают затем, чтобы научиться видеть в событиях собственной жизни ведущие и преображающие человека силы; чтобы научиться видеть в здешнем бытии то, что приходит из-за грани и не просто свидетельствует о запредельном, но ставит нас с ним в живую и неуничтожимую связь. Недаром в 1970-х и начале 1980-х годов в Советском Союзе в гонимую и почти опустевшую тогда Церковь пришли молодые люди, новые прихожане и новые священники, которые на вопрос: «Что привело тебя сюда?» — отвечали: «Читал Достоевского».

В заключение хочу процитировать записки недавно умершего художника, размышлявшего о значении искусства для человека очень близко к тому, как это делал Достоевский, хотя художник, скорее всего, не вспомнил его слов, когда писал свои: «Что мы знаем о жизни? Мы проходим жизнь по ее краю. Нам знакома крошечная часть ее территории. То немногое, что видел сам. То, в чем сам принимал участие. Все остальное — из третьих и четвертых рук,

изредка — в рассказах тех, кто действительно много видел и сам это пережил. Чаще — в рассказах тех, кто что-то и где-то слышал. И, путаясь, пересказал другим. Искусство открывает нам жизнь глубже и правдивее, чем сама жизнь» [Волович, 2017].

Искусство позволяет нам опытно пережить то, что мы не видели и не слышали, и, возможно, сами никогда не смогли бы увидеть или услышать. Художник, имеющий «глаз» (как говорил о том Достоевский[6]), открывает нам глубину жизни так же, как композитор, имеющий «ухо», открывает нам гармонию сфер. Любой человек вправе попытаться оградить себя от любого передаваемого художником опыта. Гораздо сложнее оградить себя от опыта, который обрушивает на нас жизнь — и который может раздавить нас, перед которым мы рискуем оказаться беспомощными, отказавшись от помощи великих художников в получении опыта иной мерности и глубины.

---

[6] «— А знаете ли вы, — вдруг сказал мне мой собеседник, видимо давно уже и глубоко пораженный своей идеей, — знаете ли, что, чтобы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении, — никогда вы не сравняетесь с действительностью. Что бы вы ни изобразили — все выйдет слабее, чем в действительности. Вот вы думаете, что достигли в произведении самого комического в известном явлении жизни, поймали самую уродливую его сторону, — ничуть! Действительность тотчас же представит вам в этом роде такой фазис, какой вы еще и не предполагали, и превышающий все, что могло создать ваше собственное наблюдение и воображение!..

Это я знал еще с 46-го года, когда начал писать, а может быть и раньше, — и факт этот не раз поражал меня и ставил меня в недоумение о полезности искусства при таком видимом его бессилии. Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, — и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: **на чей глаз и кто в силах**? Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника. Для иного наблюдателя все явления жизни проходят в самой трогательной простоте и до того понятны, что и думать не о чем, смотреть даже не на что и не стоит. Другого же наблюдателя те же самые явления до того иной раз озаботят, что (случается даже и нередко) — не в силах, наконец, их обобщить и упростить, вытянуть в прямую линию и на том успокоиться, — он прибегает к другого рода упрощению и **просто-запросто** сажает себе пулю в лоб, чтоб погасить свой измученный ум вместе со всеми вопросами разом. Это только две противуположности, но между ними помещается весь наличный смысл человеческий. Но, разумеется, никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до *конца и начала* его. Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а *концы и начала* — это всё еще пока для человека фантастическое» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 144–145].

Список литературы

1. Абрагамовский, 2004 — *Абрагамовский А.* <Бешеная икона> // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2004. № 20. С. 452–453.

2. Айхенвальд, 1913 — *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. М.: Изд. т-ва «МІРЪ», 1913. Вып. II. 234 с.

3. Волович, 2017 — *Волович В.М.* Мастерская. Записки художника. 2-е изд. Екатеринбург: Автограф, 2017. 601, [4] с.

4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

5. Касаткина, 2007 — *Касаткина Т.А.* По поводу высказываний об антисемитизме Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2007. № 22. С. 413–435. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/dmk22.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

6. Золотухина, 2015 — *Золотухина О.Ю.* Особенности изучения Ф.М. Достоевского в современной школе // Культурно-образовательное пространство: новые задачи — новые решения: материалы II Всероссийской заочной науч. конф., 5–6 октября 2015 г. Красноярск: ФГБОУ ВПО КГАМиТ, 2015. С. 72–80.

7. Павловец, 2017 — *Павловец М.* Что читали советские школьники // Арзамас. 21.03.2017. URL: https://arzamas.academy/mag/412-school (дата обращения: 21.03.2021).

8. Подосокорский, 2007 — *Подосокорский Н.Н.* Достоевский и его творчество в современных российских учебниках истории // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 624–639.

9. Пономарев, 2007 — *Пономарев Е.Р.* Ф.М. Достоевский в советской школе // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 612–624.

10. Пономарев, 2017 — *Пономарев Е.Р.* Литература в советской школе как идеология повседневности // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 120–138. URL: https://slovesnik.org/kopilka/stati/literatura-v-sovetskoj-shkole-kak-ideologiya-povsednevnosti.html (дата обращения: 18.03.2021).

11. Тихомиров, 2016 — *Генова А.* Интервью с Борисом Тихомировым. «Преступлению и наказанию» 150 лет // Русский мир. 29.01.2016. URL: https://russkiymir.ru/publications/201897/ (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. Abragamovskii, A. “<Beshenaia ikona>” [“<Possessed Icon>”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Al’manakh*, no. 20, 2004, pp. 452–453. (In Russ.)

2. Aikhenval’d, Iu.I. *Siluety russkikh pisatelei* [*Russian Writers’ Silhouettes*], issue 2. Moscow, Izdanie tovarishchestva “MIR” Publ., 1913. 234 p. (In Russ.)

3. Volovich, V.M. *Masterskaia. Zapiski khudozhnika* [*Workshop. Notes from an Artist*]. 2nd ed. Ekaterinbug, Autograph Publ., 2017. 601 [4] p. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Kasatkina, T.A. "Po povodu vyskazyvanii ob antisemitizme Dostoevskogo" ["On the Comments about Dostoevsky's Antisemitism"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 22, 2007, pp. 413–435. URL://fedordostoevsky.ru/pdf/dmk22.pdf (Accessed 21 March 2021) (In Russ.)

6. Zolotukhina, O.Iu. "Osobennosti izucheniia Dostoevskogo v sovremennoi shkole" ["Studying Dostoevsky in Contemporary Schools: Peculiarities"]. *Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: novye zadachi — novye resheniia* [*Cultural and Educational Space: New Challenges — New Solutions*]. Proceedings of the 2nd All-Russian Academic Conference, 5–6 October 2015. Krasnoiarsk, FGBOU VPO KGAMiT Publ., 2015, pp. 72–80. (In Russ.)

7. Pavolevets, M. "Chto chitali sovetskie shkol'niki" ["What Did Soviet Pupils Read"]. *Arzamas*, 27 March 2017. URL: https://arzamas.academy/mag/412-school (Accessed 21 March 2021) (In Russ.)

8. Podosokorskii, N.N. "Dostoevskii i ego tvorchestvo v sovremennykh rossiiskikh uchebnikakh istorii" ["Dostoevsky and His Work in Contemporary Russian History Textbooks"]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek: v 2 tomakh* [*Dostoevsky and the 20th Century: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 624–639. (In Russ.)

9. Ponomarev, E.R. "F.M. Dostoevskii v sovetskoi shkole" ["F.M. Dostoevsky in the Soviet School"]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek: v 2 tomakh* [*Dostoevsky and the 20th Century: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 612–624. (In Russ.)

10. Ponomarev, E.R. "Literatura v sovetskoi shkole kak ideologiia povsednevnosti" ["Literature in the Soviet School as an Ideology of Everyday Life"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, 2017, pp. 120–138. URL: https://slovesnik.org/kopilka/stati/literatura-v-sovetskoj-shkole-kak-ideologiya-povsednevnosti.html (Accessed 18 March 2021) (In Russ.)

11. Genova, A. "Interv'iu s Borisom Tikhomirovym. 'Prestupleniiu i nakazaniiu' 150 let" ["Interview with Boris Tikhomirov. *Crime and Punishment* Turns 150"]. *Russkii mir*, 29 Jan. 2016. URL: https://russkiymir.ru/publications/201897/ (Accessed 18 March 2021) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.02.2023
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 22.02.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 12 Feb. 2023
Approved after reviewing: 20 Feb. 2023
Accepted for publication: 22 Feb. 2023
Date of publication: 25 March 2023